

Издание Херсонского Кафедрального собора Сретения Господня. Публикуемый ниже материал представляет собою подборку из проповедей и телепрограмм отца Иоанна Замараева, а также выдержки из богословских работ и выступлений выдающихся христианских мыслителей

9.12.12

№ 69 Бедмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Святитель Иннокентий Иркутский

Сегодня день памяти одного замечательного человека - Иннокентия, епископа Иркутского. Родился он в 1680 г. в дворянской семье в Черниговской губернии.

Духовное образование он получил в Киевской Духовной академии. В те времена – это была очень серьезная школа, в отличие от нынешних. Сейчас в Киеве две Духовные академии - никакие, к сожалению.

В 1710 году он принял монашество и был назначен преподавателем в Славяно-греко-латинскую академию - преемком и профессором богословия. А через 9 лет переведен уже в Санкт-Петербургскую Александро-Невскую Лавру с назначением обер-иеромонахом флота. Надо сказать, что Иннокентий был, как минимум, на голову выше всего тогдашнего духовенства, и как ученый-богослов, и как проповедник, и как светский культурный человек, и как лицо духовное – добрый пастырь. Все эти его достоинства, с одной стороны, способствовали его продвижению - в 1721 году он уже стал епископом, но с другой стороны, принесли ему неисчислимое количество бед. Церковная иерархия постоянно пыталась его захватить, как можно подальше – чтобы глаза его не видели.

Первым делом, что пришло в голову тогдашнему церковному руководству – это отправить его в Китай – дескать, пушай там китайцам показывает свою образованность и культуру. Но потом эта идея была усовершенствована. Отправить-то отправили в Китай – в смысле, послали, но сплели интригу так, чтобы китайские чиновники отказали ему в визе. Интрига состояла в том, что сенатской комиссией по иностранным делам было вписано в соответствующих бумагах, что к вам, дескать, едет «духовное лицо - великий господин». Китайцы ответили на это, образно говоря, так – господ нам не надо – все господа - в Париже.

Ну не приняли и ладно – Китай это не Рио-де-Жанейро. Ситуация простая – надо возвращаться обратно – в С.-Петербург. Ан нет. На это нет благословения. Три года Иннокентий был вынужден «проболтаться» в Селенгинске у китайской границы, практически без средств к существованию и без собственной крыши над головой.

В конце концов, в Китай был назначен архимандрит Антоний, а Иннокентия ukazом Святейшего Синода в 1727 году направили в Иркутск – куда подалше, где еще ничего к тому времени не было устроено – ни храмов, ни школ, ни священников. Пустыня людская. Звучит, вроде, как солидно – Иннокентий, Епископ Иркутский и Нерчинский. А вся епархия представляла собою маленькую землянку, где спасался от холода святитель.

Близость китайской границы, обширность и малонаселенность епархии, большое количество различных народностей (бурят, монголов и прочих), не просвещенных Христовой верой, бездорожье и бедность - все это делало пастырский труд святителя Иннокентия тяжким, и жизнь его - полной лишениями.

Положению Иннокентия не позавидуешь, но людская порочность безгранична. По странному «недосмотру» Сената при Синоде, он не получал жалования до самой смерти и терпел чудовищный недостаток в средствах. И, тем не менее, в этих невыносимых условиях Иннокентий сумел устроить и содержать иркутский Вознесенский монастырь и

две открытые при нём школы - монгольскую и русскую. Причем, надо было платить учителям, обеспечивать учеников нужными книгами, одеждой и продовольствием.

Все эти заботы о хлебе насущном не погасили в Иннокентии искры духовной. Он оставался примером молитвенника, архипастыря и блестящего проповедника. Сохранились сборники множества его проповедей, пастырских посланий и предписаний.

Трудами святителя Иннокентия было начато строительство в Вознесенской обители каменного храма взамен деревянного, расширены границы епархии, включившей не только Селенгинский, но еще и Якутский и Илимский округа.

В условиях такой активной и напряженной жизни, терпя в таком количестве невзгоды и лишения, Иннокентий вряд ли смог прожить больше, чем он прожил. В 1731 году на 51 году своей жизни отошла его душа к Господу.

Зато потом - прошли годы и десятилетия – святителя Иннокентия вспомнили. Тот же Святейший Синод, который забывал платить ему жалование, благословил раскопать его могилу и поместить останки святителя в золоченую гробницу. Так и напращиваются слова Христовы: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников - вы сыновья тех, которые убили их».

Церковь и Библия

Правила логики – они очень просты. В первую очередь потому, что они совпадают с нашим каждодневным опытом мышления. Делать правильные выводы, умозаключения не обязательно могут те, которые в высших учебных заведениях изучали этот предмет. Ну, всем понятен силлогизм, что раз все люди смертны, а дядя Вася – человек, значит, дядя Вася смертен. Такие вещи понятны ребенку. Но есть чуть сложнее: почему я считаю, что все лебеди белые? Потому, что все лебеди, которых я в жизни видел – были белыми. А это уже логическая ошибка. Если в своей жизни я видел только белых лебедей, это вовсе не означает, что все лебеди белые. Австралийские лебеди, на самом деле, черные.

К слову говоря, вовсе не означает, что человек, окончивший университет, будет мыслить логично. Хотя логика как дисциплина все же полезна. До революции ее изучали во всех средних учебных заведениях и в некоторых даже начальных. Польза логики, в первую очередь, заключается в том, что на этом предмете заостряется внимание на логических ошибках, сбоях в нашем мышлении.

О.Иоанн: «Ну, вот если кто-то возьмет мою записную книжку и прочтет там написанные моей рукой имя, адрес и телефон Петрова, то вполне правомерным будет вывод, что я знаком с Петровым, и у меня с этим человеком сложились какие-то отношения. Может быть, самые поверхностные – «здрасьте – здрасьте», и все же я знаком с этим человеком, адрес и телефон которого записаны у меня в записной книжке. Это верное умозаключение, вполне логичное. Но эту схему нельзя переносить, она действует только в одном направлении. Нельзя, например, заключить, что раз в моей записной книжке не записан адрес и телефон Сидорова, значит, мы с ним не знакомы. Это будет грубейшей логической ошибкой, которую допускают тысячи и миллионы людей. Такие умозаключения недопустимы. Как раз, наоборот, в моей записной книжке нет телефонов и адресов самых близких мне людей. По очень простой причине: я их знаю наизусть. Ну, если я к Сергею Майстренко минимум раз в неделю прихожу на чай, а было и чаще, зачем мне писать в записную книжку адрес его дома?»

И вот, к примеру, я помер - Кондратий хватил, и моей биографией заинтересовались, быть может, кто-то надгробное слово такое пространное решил произнести или статью в газете опубликовать. Ну и листают мою записную книжку. Так, кто же здесь на первой странице, а кто на второй? Ага, Петров, Сидоров, Бессарабов. Понятно, значит, эти люди были дороги новопреставленному. А вот Майстренко – нет в записнике. Значит, покойный с Майстренко знаком не был.

Глупый ход рассуждений, не правда ли? Но подобную ерунду Вы сможете встретить где угодно, причем, сплошь и рядом. В том числе и среди христиан. Во многих деноминациях эта логическая нелепость заложена в самую основу.

Спросите любого протестанта – почему они не молятся за умерших? Они бойко, не задумываясь, ответят одним предложением. Потому, что в Библии не написано, что так нужно делать.

Ну не друг мне Майстренко – даже его адреса нет в моей записной книжке».

Эту ошибку, сыгравшую роковую роль в истории Церкви, как мы уже говорили с Вами, заложил Лютер в своем главном тезисе – solo scriptorum – только Писание, только Библия, только записная книжка.

Мы подчеркивали с вами, что Библия – самый ценный предмет, находящийся в Церкви. Это самое дорогое сокровище, которым мы с Вами обладаем. Но только Библией обойтись невозможно. Библия – это только часть Священного Предания, одна из форм Предания. И на самом деле большинство даже протестантов из нормальных, так сказать, не обходится только Библией. Какие-то остатки традиции у них все же сохранились из древности, например, понимание лиц Святой Троицы. В Библии о лицах Святой Троицы сказано так мало и так неудобовразумительно, что исповедовать Святую Троицу на основании только Библии, на грани невозможного. А не исповедовать Святую Троицу – значит, вообще выпасть из христианства, что, собственно, и произошло с так называемыми Свидетелями Иеговы. Иеговисты в определенном смысле оказались более последовательными исполнителями лютеранского тезиса solo scriptorum. В Библии также нет такого уж развернутого учения о двух природах во Христе Иисусе – Божеской и человеческой, а раз так, то для иеговиста Иисус был простым человеком и т.д.

А все дело в том, что листья-то шевелятся оттого, что ветер дует, а не наоборот – ветер дует оттого, что шевелятся листья. Церковь родила Библию, а не Библия – Церковь. Мы подчеркивали в прошлый раз с Вами тот факт, что Писание Нового Завета появилось намного позже, чем сама Церковь. Самое первое Евангелие – от Марка – было написано не ранее 62-го года, а от Иоанна – вообще в 90-каком-то. Т.е. Церковь более 30 лет жила полноценной жизнью без книг Нового Завета. Такая же картина и в Ветхом Завете. Священные Книги стали записываться только после плена Вавилонского, а до этого – Ветхозаветная община была, а Писания, в нашем понимании этого слова, не было.

Святые отцы древности повторяли очень важную мысль, что, мол, исчезни существующее Писание, Церковь под водительством Духа Святого напишет новое.

Но какая Церковь может это сделать: заново написать Библию? Та же, которая это уже некогда сделала – Церковь Христова. Церковь в подлинном смысле этого понятия. Не те группы верующих, которые так называются. Сейчас модно именовать себя: Церковь Христа, Церковь христиан, Церковь Христа Спасителя. Но Иисус основывал одну свою Христову Церковь, а не 10000, в лучшем случае, неконтактных между собою конфессий и деноминаций. О Варфоломеевской ночи уж и вспоминать не будем. И если завтра дядя Федя и мистер Смит зарегистрируют еще парочку новых конфессий, а послезавтра начнут создавать Писание, то они, может быть, что-то и напишут, но писание-то священным не будет. Писаниной Фединой, Джимми или Мормона – да, но на глаголы жизни вечной все это не потянет.

Писание Божьё вдохновенно. Оно писалось по вдохновению Духа Святого, пребывающего в Церкви – Церкви с большой буквы этого слова. Не в той, где двое или трое собраны во имя Христово, а в Церкви, которая некогда основана на камне апостольства и которую не одолеют врата ада. Да, Господь **пребывает** там, где двое или трое собраны во имя Его. И не только среди двоих или троих, а и вместе с одним единственным человеком, зывающим к Небу. Помните слова Иисуса, сказанные Нафанаилу: «Прежде, нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, Я видел тебя».

Два или три человека можно, конечно, назвать церковью – с маленькой буквы этого слова. Церковь как – эклесия, собрание верующих. Вот Мотя, Варя и Параша собрались вместе помолиться – в определенном смысле, это уже церковь. Есть такое понятие – домашняя церковь, когда становятся на вечернюю молитву папа, мама, сестра, брат, дедушка, бабушка и тетя – вот уже и домашняя церковь. И Христос пребывает вместе с этими людьми. Но это не та Церковь, которую Христос основывал.

Церковь Вселенская – это единое мистическое тело Христово, в котором, как клеточки в организме соединено все – и верующие по всей Земле, и ушедшие из этой жизни души почивших христиан, и те христиане, которые еще не родились. Это вот такой невидимый, таинственный живой объект, глава которого Иисус. Как дерево, имеющее свои корни, ствол, ветви, листья. Христос любил сравнивать Церковь Христову с виноградной лозой. «Я есмь лоза, говорил Иисус, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; а кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают».

Сегодня Церковь Христова находится в плачевном состоянии, как дерево после урагана, землетрясения и удара молнии одновременно. Многие ветви оторваны от ствола и далеко унесены ветром. И сам ствол раскололся вдоль. Может быть, Вам приходилось видеть дерево с раздвоенным стволом. Представляете, по каким-то природным катаклизмам ствол расколся буквально до корней, но выжила и одна, и вторая половина ствола – так отдельно и растут.

В таком состоянии Церковь недееспособна не только воссоздать Священное Писание, но и принимать какие бы то ни было серьезные решения догматические.

Вот что интересно, позиция Православия не допускает созыва Восьмого Вселенского собора. Причем, не богословы в академиях, а простой люд. Рядовые православные свято верят, что было семь соборов, а восьмому не бывать. Объяснить, как правило, не могут – почему только семь и почему восьмой нельзя собрать? Скажут – сатанинским будет восьмой. Почему сатанинским? Потому.

На самом деле ответ-то правильный. О каком Вселенском соборе может идти речь, если Церковь разделена на множество осколков. **Поместный собор** – другое дело. Но поместный собор – это не вселенский – на нем серьезные вопросы вероучения не решаются, во всяком случае, не должны решаться. И это позиция правильная не только потому, что она православная. Она логична.

Западная часть церкви – католики – после разделения церкви в 1054 году стали вести себя так, будто ничего не произошло, никакого разделения. Продолжали созывать соборы, называя их Вселенскими, которые таковыми не могли быть ни по определению, ни по праву, ни, по всей видимости, по благодати. Ну и что там наприносили – догмат о папской непогрешимости, догмат о сверхдолжных заслугах святых, догмат о непорочном зачатии Девы Марии. Это что, по вдохновению Святого Духа им в голову такое могло придти? Может быть, и душа, но не Святого.

А Церковь православная, несмотря на все нюансы, грехи и несовершенства, повела себя, по крайней мере, в этом отношении, честно. Она провозгласила, что никаких вселенских соборов быть не может, потому что Церковь вселенской быть перестала, а следовательно, в вероучительном, догматическом плане мы ничего нового создать уже не можем. Мы потеряли эту Благодатную силу, этот дар, это право – провозглашать принципиально новые истины вероучения. Потому, что не смогли удержаться в единстве. С другой стороны, в открытии чего-то нового особой необходимости нет. Все новое – это хорошо забытое старое. Все, что нужно для руководства в духовной жизни человека, уже открыто. А, следовательно, нашей задачей осталось – воспринимать и хранить то, что было создано за период существования единой неразделенной Церкви и передавать это духовное наследие поколениям грядущим, так сказать, не мудрствуя лукаво.

Православная Церковь, конечно же, ослаблена разделениями и расколами, массой подонков и дурачьи, которые находятся в ее ограде, и то там, то здесь рвутся ухватиться за бразды правления. Но у Православия есть колоссальные преимущества перед новыми деноминациями. Православные христиане не оторваны от корней, от ствола, от лозы, которые представляют ту единую Церковь, которую основал Сам Христос. Мы похожи с Вами на то дерево, рассеченное до основания, но мы не потеряли связь с корнем, нас питающим. Мы сохранили мудрость и наследие древности. И пусть мы не смогли бы написать Библию заново, потому что после расколов и дробления уже не представляем собою Церкви Вселенской, – да оно нам и не надо – Библия у нас уже есть, – мы скорее в ней разберемся и правильнее ее поймем, потому что у нас сохранена живая связь с теми поколениями, которые ее писали и, которые по ней строили жизнь.

К величайшей скорби, мы, православные христиане, оторваны от христиан других конфессий, но в отличие от верующих, представляющих новые деноминации, мы сохраняем органическую связь с той, еще единой, неразделенной Церковью. И для нас это очень важно.

Если я изучаю записную книжку покойного, то мне может помочь что угодно – его дневник, воспоминания о нем родных, друзей, коллег, даже врагов. И если я потружусь собрать максимум информации со всевозможных источников, тогда и записанная книжка оживет и станет понятной. А если я, усвоив тезис Лютера – solo scriptorum – только Писание, только записная книжка, буду прочитывать ее вдоль и поперек по сто раз в день, мои исследования, скорее всего, будут весьма ограничены и, по всей видимости, превратны.